

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.74

Т.В. Андриянова

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Исследуется религиозность студенческой молодежи региона в контексте формирования образа Русской православной церкви (РПЦ), определяемая как комплексная характеристика, включающая в себя несколько кластеров: идентификация церкви как главного религиозного института, самооценка собственной религиозности, понимание значения РПЦ для нашей страны, образные характеристики РПЦ. На материалах интервью и фокус-групп со студентами вузов обсуждается проблема существования религии и церкви в современном обществе, а также концепты «приватной религии», «номинальной религиозности» и «эффекта генерации».

Ключевые слова: религия; религиозность; студенческая молодежь; регион; Русская православная церковь.

Введение

Изучение вопросов, связанных с религией в социологии, начинается фактически с момента появления этой науки. И сразу же было заявлено о дискуссионном статусе этого объекта. Классические работы Э. Дюркгейма, М. Вебера и многих других авторов, написанные с точки зрения разных методологических подходов, выявляют существенные и функциональные стороны социального института религии.

На сегодняшний день точкой притяжения внимания исследователей становится сам феномен религии и его проявления, т.е. религиозность различных социальных групп и общества в целом. Несмотря на огромное количество собранных эмпирических данных, ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению по поводу методов исследования религии и связанных с ней понятий.

Ж.Т. Тощенко считает, что здесь мы сталкиваемся с некими парадоксами, которые проявляются в разных направлениях изучения религиозности. Самый очевидный из них заключается в том, что накопленные массивы данных мало проясняют религиозную ситуацию в обществе и ставят перед исследователями целый ряд вопросов. Для ответов на некоторые из них недостаточно использовать только количественные данные опросов, необходимо произвести «анализ процессов, происходящих в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии» [1. С. 63]. Такие показатели, как конфессиональная структура населения, направленность, характер и интенсивность деятельности религиозных организаций и общин верующих, позволяют, по мнению Тощенко, реально оценить состояние социального института религии в современном обществе. Здесь существует свой диапазон «веры и неверия»: от религиозности, проявляющейся в различной степени через состояние, колеблющееся между верой и неверием, до атеизма. Отмечается, что в России начиная с 2000 г. в социальной практике намечаются тенденции сближения или отождествления понятий «русский» и «православный», а также понятий «верующий» и «респектабельный», «нормальный». Отсюда возникает отмечаемый почти в

каждом исследовании парадокс: число верующих людей превышает верующих во что-то конкретно. Особенно это заметно при определении характера религиозности, когда православных, к примеру, оказывается больше, чем верующих во Христа.

В данной статье автор делает попытку определить, возможно ли использовать для характеристики молодежи как большой группы понятие «номинальная религиозная группа» (стабильно выделяемой социологами почти в каждом исследовании) в значении группы людей, относящих себя к православным, не являющихся воцерковленными и не имеющих конкретных общих характеристик. В качестве индикатора, отражающего принадлежность к этой группе, выступает формирование религиозности молодежи через выделение ключевых кластеров: религия как основной социальный институт для спасения души; самооценка собственной религиозности; Крещение Руси и его роль в становлении нашего государства; образ Русской православной церкви (далее РПЦ). Так как данный феномен является трудноопределимым, то выделение данных кластеров позволит на первом этапе изучить его генезис, выявить ключевые подходы к его изучению, основные тренды и противоречия в уже имеющихся данных, что в дальнейшем позволит перейти к построению комплексной модели изучения религиозности молодежи.

Степень разработанности проблемы

Среди исследований, охватывающих проблематику взаимодействия религии и молодежи в различных регионах России, выделяются собственно исследования религиозности молодежи (и/или студенчества) методом опроса. Например, Д.А. Тихомиров, опрашивая московских студентов из числа православных, мусульман и неверующих, сравнивает отношение к религии в данных группах и приходит к выводу, что в целом религиозность «размыта», нет целостного понимания этого феномена [2]. В исследовании религиозности студенческой молодежи Владимирской области Е.А. Аринин и Д.И. Петросян на основе коммуникативного подхода Т. Лукмана выявляют особенности «первичного», «конфессионального» и «современного»

типов религиозности [3]. В исследовании религиозности студенческой молодежи Московской области (г. Волоколамск) в сопоставлении с религиозностью россиян Л.А. Андреевой и Л.К. Андреевой выявлен «тип с неустойчивой религиозной ориентацией», обнаруживающий сомнения в истинности «даже основных и существенных положений вероучения» [4. С. 98].

Также в поле социологической науки активно дискутируется вопрос об отношении молодежи к религии, и здесь можно выделить несколько аспектов:

1) исследование отношения студенческой молодежи в целом к религии, представленное О.В. Грашевской на эмпирической базе Мурманской области, зафиксировало «невысокий уровень институциональной религиозности» [5. С. 56];

2) исследование отношения современной молодежи Брянской области к религии с точки зрения психологического подхода методом контент-анализа, представленное А.Н. Бражниковой, позволяет, по мнению автора, «приблизиться к глубинам религиозного опыта и видения» [6. С. 42];

3) на уровне региона к исследованию уровня, степени и характера религиозности учащихся и студентов г. Курска обратились курские ученые В.Н. Кузьмин и Н.С. Степашов в 2015 году [7].

Особняком стоят исследования молодежи и религии в других ракурсах. Так, изучая представления студентов ЮУрГУ относительно различных религиозных конфессий и их представителей, Н.И. Соколова и Е.Г. Сосновских указывают, что «у студентов сформировалось двойственное представление о роли религии в современном обществе» [8. С. 188].

Несмотря на большой эмпирический материал, накопленный в данной области, мы не обнаружили интересующего нас вектора исследований, а именно представлений студенческой молодежи об образе Русской православной церкви в современной России. Отчасти он заявлен в исследовании Е.Е. Несмеяновой, Т.С. Оленич и С.А. Плотникова «Отношение молодежи Ростовской области к РПЦ и верующим в контексте их поддержки традиционных культурных ценностей» [9].

Поэтому в нашем исследовании мы используем интегральную исследовательскую модель сопоставления разных показателей и мнений студентов, высказанных ими в процессе проведения фокус-групп, полуструктурированных интервью и данных включенного наблюдения молодежи в учебной обстановке и в обстановке приходов РПЦ.

Эмпирическая база исследования

Исследования взаимоотношений молодежи и религии проводятся на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета с 2007 г. по настоящее время. Среди респондентов преобладает молодежь Курской области, в частности студенты высших учебных заведений г. Курска. Так, были проведены исследования: «Молодежь и религиозные конфликты», «Отношение студенческой молодежи к религиозным сектам», «Информиро-

ванность молодежи о деятельности религиозных организаций в Курской области» и др. [10, 11].

С целью углубления полученных результатов нами в 2019 г. были проведены две фокус-группы и полуструктурированные интервью (N = 11) со студентами курских вузов в возрасте от 19 до 22 лет. Для создания выборки был использован метод «снежного кома» с соблюдением условия принадлежности к студенчеству и православию. В целом методология исследования основывается на «стратегии триангуляции» (Г.Б. Кошарная), сочетающей в себе количественные и качественные методы: «Следует отметить, что триангуляция обладает большим интегративным потенциалом, возрастающим при циклическом переключении количественных и качественных методов. Кроме того, она может приводить также и к открытию парадоксов и противоречий как теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного количественного подхода» [12. С. 121]. В задачи настоящего исследования как раз и входила интерпретация основных трендов и противоречий в формировании образа РПЦ у молодежи, обнаруженных и в количественных, и в качественных данных. Мы убедились, что существует устойчивая корреляция между результатами, полученными с помощью данной методики, и внешними критериями, что позволяет, ориентируясь на позицию Кошарной, признать ее валидной для данного исследования [12. С. 121]. Для характеристики религиозности молодежи было предложено несколько утверждений, зафиксированных в четырех кластерах, которые нужно было подтвердить или опровергнуть в ходе фокус-групп и полуструктурированных интервью, составляющих эмпирическую основу исследования:

1-й кластер – «Религия по своей сути является основным социальным институтом для спасения души»;

2-й кластер – «Самооценка собственной религиозности является ведущим фактором в оценке религиозности молодежи как группы»;

3-й кластер – «Крещение Руси сыграло ключевую роль в становлении нашего государства и формировании религиозности населения»;

4-й кластер – «Образ РПЦ у молодежи складывается в основном из персонифицированных характеристик».

В качестве вторичных данных в работе мы будем использовать результаты:

– кросс-культурного исследования, проведенного среди студентов вузов г. Волгограда в 2011 г. С.С. Малявиной;

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

Методологические основания исследования

Феноменологический подход, выбранный нами в качестве методологической основы данного исследования, позволяет изучить религиозность молодежи, ее специфику и взгляд на институт церкви в современном российском обществе как социальный феномен «жизненного мира».

Мир религиозного опыта, по мнению А. Шюца, представляет собой конечную область смысла, наряду с такими явлениями, как сновидения, грезы, фантазии, научное созерцание, игра и т.д. «Это означает, что а) все они обладают неповторимым когнитивным стилем...; б) все переживания внутри каждого из этих миров в отношении данного когнитивного стиля внутренне последовательны и совместимы друг с другом...; в) каждая из этих конечных областей смысла может получить специфический акцент реальности...» [13. С. 18]. Одновременно это означает, что области переживаний этих миров сохраняются только внутри них и никак не корреспондируют друг с другом. При этом переход из одной области в другую осуществляется при помощи «скачка», «который проявляется в субъективном переживании шока» [13. С. 18] и «является не чем иным, как радикальным изменением напряжения нашего сознания» [13. С. 19]. Вывод, который делает Шюц, относит религиозность к модификации архетипа нашего опыта реальности, т.е. к состоянию, в котором человек пребывает не какое-то определенное время, а испытывает его постоянно [13. С. 19].

В рамках феноменологии происходит и оценка религии как социального института. Так, П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что вместо «исследований религиозного рынка» религия должна быть социологически понимаема как социальный институт, придающий смысл и легитимирующий социальный порядок, т.е. как неотъемлемая часть «мироустройства», которое, в свою очередь, является областью социологии знания [14]. Диалектический процесс мироустройства, по их мнению, состоит из трех моментов: экстернализация (общество – это человеческий продукт), объективация (общество – это объективная реальность) и интернализация (люди – это социальный продукт). Природа религии и религиозности в этой конструкции рассматривается через призму так называемых символических Вселенных как самая всеобъемлющая и надежная из всех форм легитимации. Они являются «процессами значения, которые относятся к реальностям, отличным от реалий повседневного опыта» [15. Р. 95]. Идея легитимации исходит из определения П. Бергером религии как имеющей социальное и социологическое значение в силу того, что она обеспечивает «священную завесу», т.е. выполняет социальную функцию.

В работах Т. Лукмана мы выделяем тезис о трансформации роли религии в социальной структуре современных обществ: люди, «не видя» себя в определенной институционализированной религиозной общине, которую он называет *offiziell etablierte*, производят впечатление атеистов [16], что и фиксируют данные отечественных исследований. На самом деле ситуация намного сложнее. Речь идет о некоем религиозном законе, который присущ человеческому роду и является его отличительной чертой от других видов жизни. По мнению автора, религию можно обнаружить везде, где поведение человека трансформируется в действия, подлежащие моральной оценке, и где «Я» (*Selbst*) находится в мире других людей, с которыми «Я» осуществляет взаимодействие: «...осново-

полагающая функция “религии” состоит в том, чтобы превращать членов (некоего) естественного рода (семейства) в действующих лиц в рамках исторически возникшего общественного порядка» [17. С. 140]. И здесь возникает центральное понятие Лукмана – «приватизация религии»: «...это ядро всеохватывающей приватизации жизни в современных обществах... можно даже сказать: одно из “логических” следствий – высокой степени функциональной дифференциации социальной структуры» [17. С. 151]. Автор отмечает, что люди в современных обществах хотя и живут в однородной повседневной реальности, но она не связана с однородной внеповседневной реальностью: «...согласованность современных мировоззрений, в которых повседневные реальности связаны с трансцендентными, настолько слабее, нежели в архаичных или традиционных обществах, что возникает искушение допустить, что никакого соответствия вообще не осталось» [17. С. 151]. Это объясняет, по мнению автора, гетерогенность социальных конструкций, обобщающих субъективные реконструкции в частных моделях. В конечном итоге Лукман дает прогноз о снижении значимости традиционных институционально специализированных церквей, и особенно христианства, в современных обществах. Напротив, широкий общественный резонанс вызывают малые трансценденции, которые можно выразить понятием «самореализация», и средние, например, «бесклассовое общество», «освобождение» и т.д. Такую тенденцию отхода от традиционных религиозных моделей в обозначенную выше область он обозначает как «культурное сопротивление социально-структурной приватизации индивидуального сознания» [17. С. 151], где центральное место занимает автономный субъект.

Важным для нашего исследования является замечание Лукмана о том, что при всех отмеченных выше противоречиях традиционные религиозные ориентации не исчезают полностью, но они имеют более узкую «социальную опору», а их институты (церкви) не относятся к преобладающему типу религиозной организации. Не говоря о качестве этого процесса, который происходит на наших глазах, и его результатах, Лукман делает вывод, что «социальная структура перестала систематически и обязательным образом быть посредником между субъективным сознанием и его опытом трансценденции, коммуникативными реконструкциями этого опыта и конкурирующими версиями «священного универсума» [17. С. 153].

В определенной степени прогноз Лукмана относительно уменьшения влияния традиционного христианства на умы людей в современных обществах и появления там так называемых новых религиозных движений подтверждают данные о массивном «передвижении христианства» в Африку, где в основном существуют традиционные общества. Так, Л.А. Андреева говорит о новом феномене «южного христианства», связанного «с процессом изменения традиционной этническо-географической локализации христианства в начале XXI века» [18. С. 76]. Сокращение численности христиан в Европе (на 30% за 100 лет) автор связывает с мировым демографическим фактором и с процессами секуляризации, а «взрыв-

ной» характер роста христиан в Африке (на 54% за 100 лет) связывает с ростом рождаемости там (20% населения мира к 2050 г.): «...рост приверженцев христианства жестко коррелирует с ростом численности населения, уже исповедующего ту или иную религию» [18. С. 79]. Автор дает следующую качественную характеристику «южного христианства»: «религия бедных и обездоленных, для которых евангельская бедность не является метафорой» [18. С. 82]. Сегодня нет явно выраженного «христианского ядра», пропорции по континентам выравниваются: 26% христиан живут в Европе; 37% – в Южной Америке, 24% – в Африке к югу от Сахары, 13% – в Азии [19].

Также к причинам резко возросшего числа христиан в Африке относятся последствия социально-политических преобразований середины XX в. на этом континенте: провозглашение равенства всех христиан вне зависимости от расы; синкретизм местных религий и христианства; стремление местных элит к социальной ответственности и т.д. В качестве уточнения необходимо заметить, что более половины христиан в Африке протестанты (57,2%) [20], это самые молодые христиане (средний возраст 19 лет) [20] и каждый четвертый христианин здесь признает наряду с христианскими таинствами традиционные языческие ритуалы и обряды.

Соглашаясь в целом с позицией автора, отметим, что подобные процессы буквального географического перемещения центра мировых религий требуют не только научного осмысления в рамках светской науки, но и интерпретации с точки зрения христианской теологии: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3:8).

Тезаурусная модель молодежи

Возникает вопрос, актуальны ли эти тенденции и противоречия для исследований религиозности молодежи и ее отношения к религиозным организациям в целом и РПЦ в частности? Мы считаем, что они являются определяющими в исследованиях данной группы, так как транзитивность молодежи является ее основной и определяющей характеристикой. Она проявляет себя в сложности и неоднозначности выбора, который делает сегодня молодой человек: быть как все, стать частью социума и принять все его требования или войти в него как внутренне свободная личность.

Так, В.А. Луков вводит в научный оборот тезаурусную модель молодежи, где она «трактруется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир» [21. С. 118]. Ее фундаментом является социальная субъектность, а сама она проясняет «пути присвоения молодежью через раскрытие ее противоречивых черт в опредмеченной деятельности и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию» [21. С. 118]. Если

институционализированный мир мало или совсем не освоен молодежью, то это требует некой компенсации, как считает Луков, в виде определенных действий, самостоятельно определенных ею или предопределенных первичной группой.

Результаты исследования и их обсуждение

Обсуждение основных вопросов исследования было распределено по следующим кластерам: религия как основной социальный институт для спасения души; самооценка собственной религиозности; Крещение Руси и его роль в становлении нашего государства; образ Русской православной церкви.

Кластер 1. С тем, что спасение души – основная функция религии, согласились не все участники фокус-групп. Многие высказали мнение, что так было раньше, изначально. Тогда люди относились к этому вопросу более ответственно, а сейчас осталась традиция исповедовать определенную религию, в тонкости которой никто не вникает.

«Что будет с моей душой?» – вопрос для молодежи интересный, но не первостепенной важности. Мысли возникают, но с друзьями разговариваем редко на эту тему, только в случае эмоциональных потрясений или когда задумываемся как сделать жизнь на земле легче. В целом не задумываемся о том, что будет с душой» (Интервью 2). Даже названные собственные примеры, не объяснимые с точки зрения здравого смысла, не подталкивают молодежь к размышлениям на эту тему: *«Моя мама работает в реанимации, она сама и еще три человека одновременно наблюдали, как бабушка, которая лежала при смерти, вдруг прошла мимо них, а оказалось, что она никуда не вставала, а умерла»* (Интервью 10).

Иногда ссылались на примеры из художественной литературы, например сочинения Ф.М. Достоевского, называли произведения современной литературы, где говорится о проблемах души. Можно сказать, что в целом душа отождествляется у студентов с совестью и воспринимается как мысленный субстрат моральных норм, и правил, и страхов.

В основном акцент при обсуждении они делали на так называемом очищении души, под которым подразумевается освобождение мыслей и совести от совершенных неприглядных поступков и дел.

Кластер 2. Собственная религиозность и роль религии в жизни человека оценивается студентами достаточно противоречиво.

С одной стороны, на вопрос «Нужны ли специальные организации для спасения души?» отвечают, что нужны обязательно для того, чтобы создать некую «специальную обстановку», момент перехода из мира профанного в мир сакральный (по Э. Дюркгейму), и чтобы в обществе был порядок, иначе наступит хаос. *«Такие организации должны объединять единомышленников. К другим я отношусь настороженно: неизвестно зачем они туда приходят. Мы хотим быть уверенными, что рядом с нами близкие нам люди»* (Интервью 3). Молодежь признается, что предпочитает, чтобы религиозные организации брали на себя большую социальную нагрузку, но излишняя формализован-

ность этих социальных практик мешает, так как она с избытком присутствует во всех сферах жизни.

С другой стороны, религиозные организации не должны отменять ответственности человека за собственное спасение: *«Я сам решаю, что мне нужно, и когда захочу, тогда и приду в церковь»*. (Интервью 11)

Разногласия также вызвал вопрос о том, как часто должен верующий человек посещать службу в церкви: *«Верующий может посещать службу, так положено, конечно. Но почему обязательно нужно ходить? Это идеальный вариант. Верующий человек должен жить как верующий, а не посещать церковь. Он оттуда выйдет и будет вести себя ужасно»* (Интервью 5).

Была высказана и другая точка зрения, что верующие, во-первых, ходят в храм, потому что не хотят молиться самостоятельно, облегчают себе задачу; во-вторых, ходят, чтобы показать свою любовь к Богу и чтобы окружающие это увидели, т.е. это некий вид демонстративного поведения. Считают, что правильным в этом случае является молиться самому одному дома, когда никто не видит. И здесь, при всей слабой ознакомленности с текстом Священного Писания, приводили слова из Евангелия от Матфея: *«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему...»* (Мф. 6: 6). Очевидно, что, услышав эту фразу вне контекста, молодые люди приняли ее как руководство к действию, решив, что в храм с целью молитвы и участия в таинствах ходить не обязательно. Кроме этого, была высказана мысль, что в храме на людей оказывают манипулятивное воздействие и диктуют, как им поступать. Что именно могут заставить сделать таким образом, ответить затруднились.

В целом, говоря о посещении службы в храме, студенты отметили, что их убеждают туда ходить родители (бабушки и дедушки) или сложные ситуации жизни, т.е. они ходят эпизодически. И в своей среде они редко наблюдают людей, которые самостоятельно часто ходят в храм. С другой стороны, некоторые упомянули, что семейное посещение храма очень сближает даже на расстоянии: *«Сначала я ходила в храм на службу со своей бабушкой. Теперь я уехала в другой город и хожу одна, а потом звоню бабушке, рассказываю и чувствую, как она за меня радуется. Это очень здорово!»* (Интервью 1).

В целом студенты называют тревожной тенденцию, когда их обязывают делать что-то, в том числе ходить в храм. Другими словами, не хотят, чтобы вмешивались во внутренний мир человека и дело спасения. Слова «должен», «обязан», «нужно» вызывают у молодых людей негативную реакцию, которая усиливается, если речь идет о религии, так как они считают эту сферу сугубо личным делом каждого человека. В интервью почти все отмечали, что их крестили в младенчестве под влиянием тенденций времени, а они хотели бы сами сделать свой выбор.

Часто в высказываниях респондентов звучала мысль, что храмы – это прекрасные памятники архитектуры, в них можно и нужно поддерживать музейные функции: охранять, реставрировать и т.д. Но сама служба, по их мнению, нуждается в модернизации.

В качестве одного из направлений этой модернизации предлагалось перевести со старославянского языка на современный русский текст молитв, так как их смысл остается непонятным для молодежи. Насколько повлияет этот фактор на частоту посещения служб, ответить затруднились.

Кластер 3. Необходимо отметить, что во всех интервью мы спрашивали студентов о дате Крещения Руси и выяснили, что ее знают все, причем это практически единственный исторический факт, по их признанию, не вызывающий затруднений в определении точного временного промежутка.

Среди последствий принятия Крещения в основном назывались только позитивные моменты. Здесь все проявили единодушие в оценке положительного влияния РПЦ на развитие нашей страны. Молодежь считает православие национальной и государственной традицией; основным стержнем становления России; основной национальной идеей, которую не смогли уничтожить даже в советское время. Отмечали, что православие определило русский характер и менталитет, который теперь стал нашим брендом. Это позволило русскому народу выйти на новый политический и экономический уровень, преодолеть дикость язычества, интегрироваться в мировое пространство. Представители мужской части аудитории в интервью делали акцент на большой роли РПЦ во время многочисленных войн.

Что касается роли РПЦ в современном российском обществе, то здесь речь шла больше о тех функциях, которые она выполняет или должна, по мнению респондентов, выполнять: *«Церковь должна воспитывать в человеке “правильные” ценностные ориентиры. Конечно, понятие “правильные” довольно размытое, но сейчас людям нужно изменить немного свои взгляды. А церковь должна этому помочь. Религия должна быть бескорыстной и неосуждающей»* (Интервью 7).

Социальное служение церкви оценивается молодежью как чрезвычайно важная функция: *«РПЦ выполняет воспитательную функцию и функцию связи человека с Богом. Главная ценность РПЦ – человеческая душа. Любой человек вправе прийти в Церковь и получить помощь (безвозмездную). РПЦ должна объединять людей и вселять веру в лучшее»* (Интервью 8). Это накладывает определенную ответственность на всех, кто входит в общину: *«РПЦ несет в себе множество норм, ценностей и выполняет ряд функций, объединяющих социальные группы одной верой. Функции церкви – это объединение, поддержка, связь поколений. Соответственно каждый верующий человек, посещающий церковь, обязан выполнять нормы и правила (одежда, манера поведения)»* (Интервью 6). Можно отметить, что в основном студенты сосредоточили свое внимание на трех основных понятиях, характеризующих образ РПЦ, – это роли, функции, ценности. Среди названных ценностей доминирует главная – интегрирующая, объединяющая, всех людей, независимо от степени воцерковленности.

Кластер 4. Говоря в целом об образе РПЦ, который складывается в представлениях молодежи, респонденты отмечали разные его аспекты: *«Образ РПЦ*

у меня складывается следующий: роль людей, служащих в храме, огромна, поскольку приходя туда, мы ждем, что нас выслушают, а не просто осмотрят с ног до головы» (Интервью 11). Некоторые обрисовывали этот образ как некую идеальную модель, которая достижима: «В идеале РПЦ должна быть общедоступной, с низкой степенью формализованности. Священнослужители – это скромные по поведению люди, то есть, не лишенные благ цивилизации, просто сдержанные, с доброжелательным видом, понимающие и принимающие людей, не осуждающие и не критикующие» (Интервью 6).

В процессе фокус-групп мы попросили студентов семантически охарактеризовать РПЦ, и в основном получились неперсонифицированные характеристики: Пасха, золото, купола, Патриарх, церковная лавочка, свечи, иконы, батюшки, пение хора.

Подобные тенденции по результатам исследования представлений молодежи о РПЦ в 2007 г. описывает и Ф.А. Управителей, отмечая, что «необходим анализ того, насколько возможным представляется обществу собственное изменение и саморегуляция посредством РПЦ» [22. С. 531], указывая, что молодежь – это группа, потенциально влияющая на общественные изменения. Методы психосемантики и субъективной семантики, которыми пользовался автор (семантический дифференциал, направленный ассоциативный эксперимент), не так часто можно встретить в полевых исследованиях социологов. Между тем полученные данные позволяют говорить о том, что группа словоформ с семантикой «храмовые атрибуты» содержит 19,8% от общего числа словоформ; с семантикой «личные атрибуты» – 11,6%; со значением «оценка» – 8,8%; с семантикой «чины» – 6,8%; с собирательным значением «критика» – 6,5%; с семантикой «культовые действия» – 6%; с семантикой «трансцендентные категории» – 5,9%. Автор делает вывод, что «РПЦ в представлениях студентов и аспирантов является весьма монолитным образованием, и характеризуется позитивным оценочно-описательными категориями, нежели динамическими, хоть и указывает на потенциальную “силу” РПЦ» [22. С. 531]. Кроме этого, можно отметить, что «многообразие словоформ в группе «критика» указывает на то, что эта критика основана на личном опыте респондентов» [22. С. 531].

В ходе фокус-группы выяснилось, что студенты оценивают деятельность РПЦ в современном российском обществе и ее влияние на другие социальные институты противоречиво. С одной стороны, считают, что церковь должна влиять на культуру и выполнять функцию распространения образцов, передачи опыта. В семье может дать определенную модель и образцы поведения (назывались основные «семейные» таинства: венчание, крещение детей), обеспечить связь поколений. С другой стороны, с образованием, политикой, экономикой РПЦ не должна быть связана и не должна влиять на них, но и на нее не должно ничто влиять, так как церковь отделена от государства. Поэтому трансляцию церковных служб по центральным каналам молодежь воспринимает как политическую пропаганду: «...службу нужно показывать, но по специальным каналам», «...молиться нужно без камер».

Вместе с тем респонденты вспоминают, что на службах часто показывают высших лиц государства, а это способствует, по их мнению, объединению общества.

Проблемы РПЦ, названные студентами, были связаны, как правило, с конкретными лицами и случаями. Коммерциализация деятельности РПЦ, по их мнению, это одна из ведущих проблем. В этой связи приводили примеры, как работники церковной лавочки им отказывали в том, чтобы поставить свечу, купленную не в этой церкви, или не приняли записки о поминовении без денег. В то же время выяснилось, что студенты недостаточно информированы об этой стороне жизни церкви: не знают, на какие деньги строятся и существуют храмы; сколько получают священники; что можно не связывать спасение души и деньги, так как главные таинства (исповедь и причастие) абсолютно бесплатны и доступны всем.

В ходе обсуждения конкретных фигур священнослужителей студенты часто указывали на примеры «некомпетентных батюшек», которые не смогли ответить на интересующие их вопросы. Проблема, по их мнению, кроется в недостаточной подготовке священников с точки зрения психологии, коммуникологии и других наук, связанных с общением.

За жизнью РПЦ молодежь наблюдает в основном в социальных сетях и оценивает ее по привычным для себя индикаторам: во что одеты священники, на каких машинах ездят, в каких домах живут. Вопросы собственно служения попадают в спектр внимания молодежи гораздо реже. Хотя и такие сюжеты назывались: сбор средств и помощь в исцелениях от болезней, социальная помощь малоимущим, выступления священнослужителей по отдельным социальным проблемам, восстановление храмов и т.д.

Все участники фокус-групп сошлись во мнении, что фигура Святейшего Патриарха Кирилла – определяющая и в РПЦ, и в обществе в целом. При этом в 2019 г., во время празднования 10-летия интронизации Святейшего Патриарха Кирилла, многие респонденты не увидели об этом материалов, зато нашли много фейковых сюжетов, которые вызвали интерес (Патриарх – это на самом деле другой человек, похожий на него и т.д.). Студенты сами отмечали, что негативные сюжеты могут быть связаны с провокацией с целью дискредитировать РПЦ.

Важный момент, на котором заостряют внимание студенты, это социальное служение и добровольчество внутри РПЦ, воспринимаемое ими как источник волонтерства – крайне важного для них понятия. В целом молодежь можно охарактеризовать как «поколение волонтеров», для которого важным условием существования является коллективная бескорыстная помощь другим. Интерес к этому типу деятельности неуклонно возрастает, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Около 75% молодых россиян готовы участвовать в общественно полезной деятельности бесплатно или за символическую плату [23]. Согласно сведениям из источника «Росмолодежь», в 2017 г. число волонтеров среди молодого населения достигло 5 283 778 человек, что составляет около 3% населения России в целом, и около 20% молодежи в возрасте 15–29 лет [24].

Для сравнения показателей приведем данные кросс-культурного исследования, проведенного среди студентов вузов г. Волгограда С.С. Малявиной с точки зрения психологического подхода также методом фокус-групп в трех целевых группах: православных христиан, мусульман и атеистов с целью выявления ценностного отношения к религиозной культуре.

Так, в группе православных христиан автор фиксирует «номинативную религиозность», проявляющуюся в нежелании молодежи исполнять основы вероучения на практике, отсутствии влияния догм православия на конкретные поступки, удовлетворении статусом православного христианина без желания проявлять каким-либо образом эту принадлежность. С.С. Малявина, характеризуя эту группу как «наблюдателей за религиозной жизнью» – «...они рассуждают о религии, как о чем-то за пределами их жизни» [25. С. 93], – отмечает, что в своих рассуждениях православные студенты находятся на значительной социальной дистанции от других представителей этой религии, говоря о них в третьем лице и никак не отождествляя себя с ними.

Более перспективные для исследовательского поиска данные представлены по результатам интервью со студентами-атеистами, так как они демонстрируют высокий интерес к религиозной культуре в данной группе, практически сопоставимый с интересом у представителей определенной конфессии. Во-первых, отмечается избирательное отношение к информации о религиозной культуре, поступающей из СМИ, которая рассматривается с позиции критики; во-вторых, не отрицая влияния религии на формирование собственного мировоззрения, студенты между тем считают, что для молодежи это неактуально, так как не влияет на характер поступков, выбор профессии, создание семьи и т.д. Многие из них, вероятно, были крещены в детстве (автор об этом не упоминает, но в ходе наших фокус-групп такой признак был обнаружен), но позднее отказались от исповедания религии по разным причинам, среди которых Малявина выделяет протест против социальных норм (активное противостояние в семье); деятельность СМИ (повышенное внимание к религии); предубеждения (считают верующих слабыми людьми и не хотят быть такими); личностные особенности; «мода» на научное понимание мира, которое якобы мешает возникновению веры. Автор делает вывод, с которым мы полностью согласны, о том, что заявленная группа также является номинальной, т.е. состоит из тех, кто в силу возраста не определился со своей религиозной культурой.

Тревожным моментом, на наш взгляд, является выявленная в нескольких исследованиях религиозности тенденция номинальности при самоопределении студенческой молодежи. Мы можем по-разному называть эти группы, но, по сути, они демонстрируют сходные позиции и установки по отношению к религии, главной из которых, на наш взгляд, являются отсутствие желания преобразовывать себя и окружающий мир. Противоречивой оказывается и роль семьи: с одной стороны, она является основным агентом религиозной социализации, с другой – становится источником внутреннего конфликта, бунта личности молодого человека, провоцирует желание противостоять семейным устоям. Это противоречие закономерно, так как самоопределение требует отказа от ранее усвоенных норм и правил и со временем становится источником нового этапа развития человека. Важно, чтобы в этот переломный момент молодой человек ощущал себя в контексте определенных культурных и религиозных норм, с которыми он может на данном этапе не соглашаться, а со временем прийти к ним.

В нашем исследовании зафиксирован так называемый эффект генерации [26], т.е. в основном люди указывают на события и изменения, происходившие в их юности: молодежь, выросшая в условиях религиозного ренессанса (начиная с конца 80-х гг. XX в.), теряет ценность самого обретения возможности свободного существования церкви, на первый план явно выходит тенденция «церковь существует для пожилых людей, так как раньше это запрещалось».

Молодежь показывает амбивалентное отношение к РПЦ: с одной стороны, высоко оценивает ее роль в истории нашей страны, указывая, что это один из важных факторов национальной идентификации, с другой – недооценивает ее роль в жизни современной России, считая основной задачей церкви только социальную помощь и поддержку, воспринимая ее как более понятную волонтерскую организацию.

Ключевое значение в формировании образа РПЦ для молодежи продолжает играть семья как основной институт первичной социализации, что при всех положительных моментах несет в себе и определенный вызов – молодежь по мере взросления может попасть в категорию «номинальных верующих», к которой сейчас относит себя большинство наших граждан.

«Приватное» отношение к РПЦ выходит на первый план как требование прямого контакта со священнослужителями и внимательного отношения к личным проблемам респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / ред. М.П. Мchedлов. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 62–85.
2. Тихомиров Д.А. Особенности религиозности московских студентов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 177–191. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.12.
3. Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77.
4. Андреева Л.А., Андреева Л.К. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98.
5. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 5 (73). С. 57–68.
6. Бражникова А.Н. Отношение современной молодежи к религии // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. № 9 (79). С. 41–46.

7. Кузьмин В.П., Степашов Н.С. Уровень и характер религиозности студенческой молодежи в городе Курске (социологический анализ) // *Innova*. 2016. № 1 (2). С. 39–43. DOI: dx.doi.org/10.21626/innova/2016.1/10.
8. Соколова Н.И., Сосновских Е.Г. Религия глазами студентов Южно-Уральского государственного университета (по материалам социологического исследования) // *Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки»*. 2012. Т. 19. С. 187–188.
9. Nesmeyanov E.E., Olenich T.S., Plotnikov S.A. «Youth and orthodox» within the context of traditional culture values formation (on the base of social research «attitude of rostov region youth to russian orthodox church and the believers in the context of the support of traditional culture values») // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2016. № 1 (5). С. 50–62.
10. Андриянова Т.В., Волгушева Е.В. Религия как один из факторов справедливости в современном обществе // *Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»* : сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 25–27. DOI 10.29003/m123.12.sr-2018.
11. Андриянова Т.В., Саркисян Р.А. Религиозные конфликты: взгляд молодежи // *Христианские ценности в изменяющемся мире: проблема выбора* : материалы XII Международных научно-образовательных знаменских чтений (28–31 марта 2015 г.). Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2016.
12. Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2016. № 2 (38). С. 117–122. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13.
13. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбут // *Социологическое обозрение*. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.
14. Berger P.L., Luckmann T. *Sociology of Religion and Sociology of Knowledge* // Birnbaum N., Lenzer G. (eds). *Sociology and Religion: A Book of Readings*. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1969 [1963]. P. 410–418.
15. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City; N.Y. : Anchor Books, 1967 [1966].
16. Luckmann Th. *Die Unsichtbare Religion*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1991.
17. Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13, № 1. С. 139–154.
18. Андреева Л.А. Трансформация христианства в XXI в.: феномен «южного христианства» // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 76–83.
19. Global Christianity. December 2011. URL: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec> (дата обращения: 20.03.2019).
20. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. April 2015. URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections2010-2050> (дата обращения: 20.03.2019).
21. Луков В.А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.
22. Управителей Ф.А. Представления молодежи о Русской Православной Церкви // *Психология XXI века : тезисы Междунар. межвуз. научн.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых специалистов (19–21 апреля 2007 г., СПб.)*. СПб., 2007. С. 531–533. URL: <http://www.psy.spbu.ru/uploads/science/Psy-XXI/psy2007.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
23. Нежина Т.Г., Петухова К.А., Четечкина Н.И., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 49–71.
24. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2017. С. 50–56.
25. Малявина С.С. Особенности ценностного отношения молодежи к религиозной культуре в среде современной молодежи (кросс-культурное исследование) // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2012. № 2.
26. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 47–60.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 января 2020 г.

Religiosity of Students in the Region in the Context of the Russian Orthodox Church Image Formation: Main Trends and Contradictions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 109–117.

DOI: 10.17223/15617793/454/12

Tatyana V. Andriyanova, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Keywords: religion; religiosity; student youth; region; Russian Orthodox Church.

The article is devoted to the problem of religiosity of modern youth in the context of forming the image of the main religious institution of Russia—the Russian Orthodox Church. In the article, Orthodoxy is considered as a key characteristic of the object of study, since the overwhelming majority of Russians identify themselves with this category. The youth as an object of research, according to the author, has a number of characteristics that make it possible to predict the vector of development of religion in modern society. The author uses the “thesaurus model” of young people proposed by V. Lukov. The model indicates that the institutionalized world, little or not at all mastered by young people, requires some compensation in the form of certain actions they determine independently or that are predetermined by the primary group. The primary group in the study is the family and its role in shaping young people’s religiosity; the family holds the priority position in the self-assessment of religiosity. The works of Thomas Luckmann on “private” religion and the problem of the existence of religion and the church in a postindustrial society became the methodological basis of the research. The author conducted the study of the religiosity of the youth of the region in the context of the formation of the image of the Russian Orthodox Church in 2019. Respondents were 19- to 22-year-old students of Kursk, Russia. The methods used in the study were interviews, focus groups, and the analysis of secondary research data on similar topics with similar methods. The regional aspect allows attracting the necessary quality tools to expand the context of the issue under discussion and using comparative analysis. The contradictory trends identified during the regional study manifest themselves sufficiently at the level of the whole country. The study revealed four interrelated clusters: religion as the main social institution for the salvation of the soul; self-assessment of one’s own religiosity; the baptism of Russia and its role in the formation of the state; the image of the Russian Orthodox Church. Each of them touched upon the key topic of the study in its own way, presenting the field for the formulation of hypotheses and conclusions to the researcher. The key research results are: (1) the tendency of “nominal religiosity” in students’ self-determination; the “generation effect”, that is, basically people point to events and changes that occurred in their youth; (3) an ambivalent attitude to the Russian Orthodox Church: on the one hand, a high appreciation of its role in the history of the country, on the other hand, the perception of its role in the life of modern Russia in terms of social assistance and support as a more comprehensible volunteer organization; (4) for young people, the family continues to play a key role in shaping the image of the Russian Orthodox Church as the main institution of primary socialization; (5) a “private” attitude to the Russian Orthodox Church comes to the fore as a demand for direct contact with the clergy and an attentive attitude to the respondents’ personal problems.

REFERENCES

1. Toshchenko, Zh.T. (2008) Religioznaya identichnost' i byurokratiya [Religious Identity and Bureaucracy]. In: Mchedlov, M.P. (ed.) *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyy faktor v identifikatsionnykh protsessakh)* [Religion in the Self-Awareness of the People (Religious Factor in Identification Processes)]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 62–85.
2. Tikhomirov, D.A. (2017) Features of Religiousness of Moscow Students. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 3. pp. 177–191. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.12
3. Arinin, E.I. & Petrosyan, D.I. (2016) Specifics of Students' Religiousness. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 71–77. (In Russian).
4. Andreeva, L.A. & Andreeva, L.K. (2010) Religioznost' studencheskoy molodezhi. Opyt sopostavleniya s religioznost'yu rossiyan [Religiosity of Students. The Experience of Comparison With the Religiosity of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 95–98.
5. Grashevskaya, O.V. (2014) Study of students' attitude to religion. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 5 (73). pp. 57–68. (In Russian).
6. Brazhnikova, A.N. (2011) Attitude of the Modern Youth to Religion. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 9 (79). pp. 41–46. (In Russian).
7. Kuz'min, V.P. & Stepashov, N.S. (2016) The Level and Nature of Religious Students in Kursk (Sociological Analysis). *Innova*. 1 (2). pp. 39–43. (In Russian). DOI: 10.21626/innova/2016.1/10.
8. Sokolova, N.I. & Sosnovskikh, E.G. (2012) Religion in the Eyes of the South-Ural State University (Based on the Results of the Sociologic Research). *Vestnik YuUrGU. Ser. "Sotsial'no-gumanitarnye nauki" – Bulletin of South Ural State University. Social Sciences and the Humanities*. 19. pp. 187–188. (In Russian).
9. Nesmeyanov, E.E., Olenich, T.S. & Plotnikov, S.A. (2016) "Youth and Orthodox" Within the Context of Traditional Culture Values Formation (On the Base of Social Research "Attitude of Rostov Region Youth to Russian Orthodox Church and the Believers in the Context of the Support of Traditional Culture Values"). *Nauchnyy al'manakh stran Prichernomor'ya*. 1 (5). pp. 50–62.
10. Andriyanova, T.V. & Volgusheva, E.V. (2018) [Religion as One of the Factors of Justice in Modern Society]. *Sotsial'naya nespravedlivost' v sotsiologicheskoy izmerenii: vyzovy sovremennogo mira* [Social Injustice in the Sociological Dimension: Challenges of the Modern World]. Conference Proceedings. Moscow: MAK Press, pp. 25–27. (In Russian). DOI 10.29003/m123.12.sr-2018
11. Andriyanova, T.V. & Sarkisyan, R.A. (2016) Religioznyye konflikty: vzglyad molodezhi [Religious Conflicts: A Young Perspective]. *Khristianskie tsennosti v izmenyayushchemsya mire: problema vybora* [Christian Values in a Changing World: The Choice Problem]. Proceedings of the International Conference. 28–31 March 2015. Kursk: Kursk State University.
12. Kosharnaya, G.B. & Kosharnyy, V.P. (2016) Triangulation as a Means Ensuring Validity of Empirical Study Results. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki – University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2 (38). pp. 117–122. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13.
13. Schütz, A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostey [On Multiple Realities]. Translated from English by A. Korbut. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 3 (2). pp. 3–34.
14. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1969) Sociology of Religion and Sociology of Knowledge. In: Birnbaum, N. & Lenzer, G. (eds) *Sociology and Religion: A Book of Readings*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. pp. 410–418.
15. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City; N.Y.: Anchor Books.
16. Luckmann, Th. (1991) *Die Unsichtbare Religion*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
17. Luckmann, T. (2014) An Afterword to the German Edition of the Invisible Religion. Translated from English. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 13 (1). pp. 139–154. (In Russian).
18. Andreeva, L.A. (2017) Christianity's Transformation in the 21st Century: The Phenomenon of the "Christianity of South". *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 76–83.
19. Pewforum.org. (2011) *Global Christianity. December 2011*. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec>. (Accessed: 20.03.2019).
20. Pewforum.org. (2015) *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050*. April 2015. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections2010-2050>. (Accessed: 20.03.2019).
21. Lukov, V.A. (2013) *Biosotsiologiya molodezhi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya* [Youth Biosociology: Theoretical and Methodological Foundations]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
22. Upravitelev, F.A. (2007) [Perceptions of the Russian Orthodox Church]. *Psikhologiya XXI veka* [Psychology of the 21st Century]. Abstracts of the International Conference. St. Petersburg. 19–21 April 2007. pp. 531–533. [Online] Available from: <http://www.psy.spbu.ru/uploads/science/Psy-XXI/psy2007.pdf>. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
23. Nezhdina, T.G., Petukhova, K.A., Chechetkina, N.I. & Mindarova, I.S. (2014) Motivation of Youth Participation in the Volunteer Movement. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 49–71. (In Russian).
24. Civic Chamber of the Russian Federation. (2017) *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2017 god* [Report on the Status of Civil Society in the Russian Federation for 2017]. Moscow: Civic Chamber of the Russian Federation. pp. 50–56.
25. Malyavina, S.S. (2012) Features of the Valuable Attitude to Religious Culture Among Contemporary Youth (Cross-Cultural Studies). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2. (In Russian).
26. Schuman, H. & Scott, J. (1992) Kollektivnaya pamyat' pokoleniy [Generations and Collective Memory]. Translated from English. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 47–60.

Received: 10 January 2020